



## ПАМЯТИ Д. Ф. ГОЛУБИНСКАГО.

За Лаврой, на полугорѣ, въ довольно живописной мѣстности, стоитъ небольшой флигель. Не блещетъ онъ затѣйливостью архитектурнаго плана, богатствомъ отдѣлки. Не вѣетъ отъ него даже свѣжестью и новизной. Годы наложили свою печать на всю эту простую, незатѣйливую постройку. Все въ ней почернѣло и начало ветшать отъ времени...

Бѣденъ и убогъ этотъ домикъ. Но едва ли въ Посадѣ былъ такой человекъ, который не зналъ бы, кто живетъ въ этомъ домикѣ. Здѣсь жилъ заслуженный ординарный профессоръ Московской Духовной Академіи, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Димитрій Θεодоровичъ Голубинскій, генералъ Голубинскій.

Въ жизни мы нерѣдко наблюдаемъ, что правда Божія, огонекъ, манящій путника въ даль, полную чарующей прелести, ютятся не въ пышныхъ хоромахъ, а въ незатѣйливыхъ хижинкахъ, да лачужкахъ. Свѣтъ Христовъ иногда свѣтитъ изъ такихъ убогихъ домиковъ, мимо которыхъ мы проходимъ, не останавливаясь на нихъ своею мыслию ни на одну минуту. Христосъ бываетъ небеснымъ Гостемъ въ хижинахъ бѣдняковъ и простецовъ иногда даже чаще, чѣмъ въ великолѣпныхъ палатахъ гордыхъ богачей и напыщенныхъ мудрецовъ.

Пойдемте въ этотъ домикъ и посмотримъ, что тамъ...

Предъ нами старое покачнувшееся крыльцо, съ почернѣвшими отъ времени, деревянными некрашенными дверями. Ручекъ у дверей нѣтъ. Нѣтъ также и звонка не только въ видѣ электрическаго, но и хотя бы даже въ видѣ

старинныхъ, первобытныхъ звонковъ съ желѣзной ручкой и системой проволокъ, привязанныхъ за простой мѣдный колокольчикъ. Если кому нужно было попасть къ хозяину въ домъ, то онъ долженъ былъ стучаться и тогда на стукъ выходила „ветхая денми“ старица, которая и открывала предъ нимъ завѣтныя двери.

По деревянной некрашенной лѣстницѣ, устроенной самобытнымъ русскимъ архитекторомъ-мужичкомъ, по своимъ собственнымъ планамъ и архитектурнымъ соображеніямъ, вы поднимаетесь наверхъ. Вотъ вы, наконецъ, вошли въ самое святилище. Ничего особеннаго, выдающагося, замѣчательнаго не встрѣчаете вы и здѣсь. Прежде всего вы входите въ небольшое зальце. Передній уголъ весь занятъ иконами съ теплящейся предъ ними лампадкой. Простая старинная мебель, и то въ незначительномъ количествѣ, украшаетъ его. Старый диванъ, нѣсколько старыхъ стульевъ, два стола, да старомодный комодъ,—вотъ и вся мебель этой самой парадной комнаты въ этомъ замѣчательномъ флигелькѣ. Впрочемъ, въ двухъ углахъ стоятъ книжные шкафы, наполненные книгами сверху донизу. Они устроены въ стилѣ разборныхъ американскихъ шкафовъ и представляютъ собою рядъ небольшихъ деревянныхъ ящичковъ, поставленныхъ одинъ на другой, вплоть до самаго потолка. О простотѣ этихъ сооруженій, сдѣланныхъ мужичками-столярами, нѣтъ нужды и говорить...

Кромѣ залы, намъ остается теперь осмотрѣть еще двѣ комнаты. Это—кабинетъ и столовую. Кабинетъ представляетъ собою небольшую очень узкую комнату, стѣны которой до потолка заставлены шкафами съ книгами и различными инструментами. Тутъ помѣщается токарный и столярный станокъ. Здѣсь же находится небольшая аптечка. Тутъ и рабочій кабинетъ. Кромѣ того, эта комната, или вѣрнѣе какое-то Фермопильское ущелье, служитъ хозяину вмѣстѣ съ тѣмъ и спальней. Противъ рабочаго стола, стоитъ деревянная старинная кровать съ высокими спинками, крашенная въ красную краску. Кровать покрыта простымъ старымъ ситцевымъ одѣяломъ. Его несомнѣнно нужно назвать убогимъ. На письменномъ столѣ—письменные приборы незапамятныхъ временъ. Тутъ вы видите гусинья перья, старательно очищенные. Хозяинъ писалъ еще гусинымъ перомъ. На стѣнѣ

висятъ замѣчательные въ своемъ родѣ часы. Это такіе ветераны, что могутъ собою украсить стѣны и витрины даже музея. Эти часы были подарены покойному родителю въ 1818 году..., по наслѣдству отъ котораго они и перешли къ Д. Ѳ. Но часы были куплены еще значительно раньше восемнадцатаго года прошлаго столѣтія. Можетъ быть, имъ теперь уже больше ста лѣтъ... Время положило и на нихъ свой отпечатокъ. Пеньковыя веревочки, на которыхъ висѣли мѣдныя гири, въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, перетерлись и были замѣнены металлическими цѣпями. И гири отъ времени стали не въ состояніи своею тяжестью приводить въ движеніе старыя, скрипѣвшія механизмы часовъ. Поэтому на каждой изъ нихъ навѣшено было немало различныхъ металлическихъ пластинокъ, для увеличенія ихъ тяжести и для увеличенія ихъ вліянія на неслушавшійся механизмъ. Стрѣлки отъ времени также впали въ нѣкотораго рода анархизмъ. Онѣ совершенно не хотѣли подчиняться механизму и показывали весьма часто далеко не то, что должны были показывать. Ихъ строптивость тоже пришлось смирять сторонними средствами, такъ какъ домашнихъ, своихъ собственныхъ не хватало уже. На кончикахъ стрѣлокъ были привѣшены металлическіе кружки различного размѣра и вѣса. Эти кружки и приводили дѣятельность стрѣлокъ въ возможную гармонію съ дѣятельностью и планами внутреннего механизма.

Къ часамъ былъ придѣланъ электрическій звонокъ. Звонокъ этотъ также былъ необыкновенный. Онъ звонилъ до тѣхъ поръ, пока хозяинъ не прерывалъ токъ. А для этого нужно было встать и подняться къ часамъ, отвинтить осторожно одинъ винтикъ. Иначе звонокъ сталъ бы звонить безъ перерыва цѣлые дни и ночи. Такъ ветераны-часы должны были не только показывать хозяину время, но и еще служить будильникомъ. Все это сдѣлано было самимъ владѣльцемъ этихъ замѣчательныхъ часовъ.

Въ углу разсматриваемой комнаты „кабинета-библіотеки-спальни-столлярной“ стоятъ два старыхъ, старыхъ громадныхъ зонта. Они прикрѣплены къ стѣнѣ большими толстыми мѣдными проволоками. Одинъ изъ этихъ зонтовъ купленъ еще въ 44-мъ году прошлаго столѣтія. Я не разъ видѣлъ хозяина этого зонта идущимъ подъ нимъ въ сырую погоду.

Зонтъ такъ великъ, что напоминаетъ собою небольшую полотняную раскинутую палатку. Кто шелъ подъ этимъ зонтомъ, рассмотреть было совершенно нельзя. Со стороны были видны только шагающія чьи-то ноги, и можно было даже думать, что зонтъ движется чудесно...

Столовая комнатка еще меньше по размѣрамъ, чѣмъ „кабинетъ-библіотека-спальня-столярная“. Здѣсь все такъ старо, что трудно уже и опредѣлить время происхожденія различныхъ вещей. По крайней мѣрѣ теперь ни одного подобнаго предмета не встрѣтишь въ продажѣ. Чайные бокалы, чашки, выцвѣтшіе отъ времени, какихъ-то необыкновенныхъ фасоновъ, чайники, молочники также необыкновенные,—все это свидѣтельствуеть о глубокой старинѣ и далекомъ, далекомъ прошломъ...

Напрасно бы мы стали здѣсь искать богатаго гардероба. Два ситцевыхъ халата, съ старинными рисунками, испещренные различными необыкновенными цвѣтами или рисунками огурцовъ и огурчиковъ, почти одна смѣна одежды, отличающаяся необыкновенной скромностью и простотой, — вотъ и все, что мы найдемъ въ гардеробѣ покойнаго. Одѣвался онъ необыкновенно просто и необыкновенно старомодно. Кто не зналъ лично Д. Θ., тотъ, встрѣтившись съ нимъ, никогда не могъ подумать, что предъ нимъ извѣстный профессоръ Академіи. Въ своемъ оригинальномъ костюмѣ онъ скорѣе напоминалъ собою какого-либо болѣе или менѣе зажиточнаго мѣщанина 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Недаромъ по Академіи распространенъ анекдотъ о томъ, какъ одинъ семинаристикъ, пріѣхавшій держать экзамены, встрѣтивши у подвѣзда Д. Θ., принялъ его за слугу и попросилъ внести свои вещи въ Академію. Д. Θ. въ своихъ убогихъ и старомодныхъ костюмахъ такъ былъ оригиналенъ, что многіе старались „живописать“ его въ этомъ видѣ. Академія до сихъ поръ помнитъ заботы и хлопоты Д. Θ. о „сооруженіи новаго пальто“ для поѣздки въ Петербургъ... Пальто долго „сооружалось“ въ Москвѣ и все-таки вышло изъ рукъ портного очень необыкновеннымъ...

47 лѣтъ тому назадъ взошелъ покойный въ эту квартиру и съ тѣхъ поръ ни одного раза не мѣнялъ ее. 47 лѣтъ—почти полустолѣтіе, большой періодъ времени. Въ теченіе этого времени многое можно сдѣлать. Но Д. Θ. не отличался

внѣшней кипучей обширной дѣятельностью. Результаты его дѣятельности не такъ велики и поразительны, какими бы они могли быть въ дѣйствительности. Даже его ученые труды, обнимающіе собою въ общемъ не болѣе 400 страницъ, не представляютъ собою по размѣрамъ чего-либо удивительнаго. Въ теченіе полустолѣтія можно было бы и большее сдѣлать.

Мы часто въ жизни судимъ поверхностно о людяхъ. Мы часто расцѣниваемъ людей, прикладывая къ нимъ мѣрку внѣшнихъ дѣлъ. Но едва ли эта оцѣнка всегда справедлива и всегда выражаетъ и исчерпываетъ собою всю душу человѣка. Кромѣ внѣшней жизни, есть еще внутренняя жизнь... Можно много въ теченіе жизни написать, много сдѣлать. Міръ явленій, подлежащихъ изученію человѣка, необъятенъ. Милліоны людей тысячелѣтія сидятъ за изученіемъ тайнъ внѣшней и внутренней жизни міра, и все-таки до сихъ поръ они остаются почти еще ничего незнающими въ этой необъятной безднѣ знаній. Человѣчество до сихъ поръ успѣло прочесть изъ этой книги едва лишь нѣсколько страницъ. Что даетъ человѣку подобное знаніе? Такой многознающій человѣкъ можетъ быть въ дѣйствительности настоящимъ невѣждой. Знать въ необъятной кладовой міра тысячи явленій—это почти еще ничего не знать.

Кромѣ внѣшняго міра, есть еще внутренній міръ, полный такихъ глубинъ, такихъ тайнъ, какихъ мы не найдемъ нигдѣ въ мірѣ внѣшней дѣятельности, какою бы кипучестью она не отличалась. Въ этомъ мірѣ—зерно вѣчной жизни. Здѣсь само небо. Этотъ міръ не занимаетъ никакого мѣста, но какъ бы мы не углублялись въ него, все онъ кажется необъятнымъ, ничѣмъ незаполнимымъ. Міросозерцаніе дитяти и глубокаго старца разнятся между собою почти безконечно. Но о нихъ нельзя сказать, что развитіе, углубленіе ихъ закончено. Нѣтъ, и цѣлая вѣчность не заполнитъ ихъ...

Въ этомъ внутреннемъ мірѣ заключается основа всей нашей жизни. Изъ этого внутренняго міра освѣщается весь строй личной жизни, жизнь окружающихъ насъ людей, видимый міръ съ его тысячами самыхъ разнообразныхъ явленій. Въ этомъ мірѣ можетъ быть не много внѣшнихъ знаній, фактовъ внѣшней дѣятельности. Но въ немъ, при этой видимой скудости дѣлъ, можетъ быть глубина пости-

женія себя и всего окружающаго насъ. Здѣсь драгоценная евангельская жемчужина. Многознающій, выдающійся ученый можетъ быть слѣпымъ въ сравненіи съ такимъ человекомъ. И Спаситель говорилъ, что Его ученіе не понятно внѣшне мудрымъ людямъ. И апостолъ засвидѣтельствовалъ, что проповѣдь о крестѣ для этой внѣшней мудрости представляетъ собою или только соблазнъ, или только безуміе. Можно видя не видѣть и слыша не слышать...

Вотъ эта-то жизнь духа и была жизнью Д. О. съ самыхъ раннихъ лѣтъ и до послѣдняго вздоха. Ею онъ былъ силенъ и славенъ. Она придавала особый отпечатокъ всей его жизни и дѣятельности. Она создала для него такія твердыни, которыя были для другого положительно невысказанными. Изъ этого внутренняго своего міра радостно смотрѣлъ онъ на весь внѣшній міръ съ тысячами его многообразныхъ, простыхъ и сложныхъ явленій. Этотъ міръ давалъ ему возможность устоять тамъ, гдѣ другіе безъ всякаго боя сдавались и падали... Онъ освѣщалъ для него все такимъ свѣтомъ, какого напрасно домогались внѣшними усилиями другіе люди. Тамъ, гдѣ люди были и слѣпы, и черствы, и скорбны, Д. О. находилъ возможнымъ быть и радостнымъ, и бесконечно участливымъ. Тамъ, гдѣ многіе какъ слѣпые ничего не видѣли, онъ все прозрѣвалъ своимъ внутреннимъ окомъ. И получалась невольна любопытная картина. Въ однихъ и тѣхъ же явленіяхъ онъ и другіе люди видѣли совершенно различныя стороны до полной противоположности. Читали одну и ту же книгу, а чтеніе получалось совершенно другое. Читали какъ бы какія еще никому невѣдомыя клинообразныя надписи.

Проникнемъ же хотя на нѣсколько мгновеній въ этотъ внутренній міръ Д. О. и посмотримъ, что тамъ...

Д. О. былъ необыкновенно религіозный, „набожный“ человекъ. Его вѣра въ Бога не опредѣлялась сухими формулами и различными философскими опредѣленіями. Это была живая вѣра въ живого Бога, столь постоянно близкаго къ человеку, что это трудно и передать человеческимъ языкомъ. Онъ представлялъ Его ближе въ отношеніи къ человеку, чѣмъ окружающій насъ воздухъ, ближе нашей одеждѣ, наконецъ, ближе даже нашего тѣла. Онъ представляетъ Его обитающимъ въ самыхъ сокровенныхъ нѣдрахъ нашей души.

И въ природѣ вездѣ отъ послѣдней ничтожной пылинки до грандіозныхъ явленій, онъ видѣлъ и созерцалъ Его. Это постоянное ощущеніе близости къ человѣку Бога выражалось прежде всего въ молитвѣ.

Молитва для многихъ—пустой звукъ. Для Д. Θ. она была восторженнымъ гимномъ въ честь Того, Кто все держитъ въ своей всемогущей, премудрой и благой десницѣ. Молитва это живая бесѣда человѣка о томъ, что для него всего дороже на свѣтѣ и въ цѣлой вѣчности. Вотъ почему мы и видимъ Д. Θ. часто молящимся. Дома ежедневно онъ совершаетъ молитвы утромъ и вечеромъ. Весьма часто читаетъ самъ акаѣисты различнымъ святымъ, прочитываетъ вечерни, утрени, шестопсалміе и другія различныя церковныя службы. Для меня теперь стало ясно, почему въ его библиотекѣ при описи мы нашли собраніе почти всѣхъ акаѣистовъ, почти полный кругъ богослужебныхъ книгъ. Это все—живые свидѣтели его молитвенныхъ трудовъ.

Въ дневникѣ Д. Θ. есть немало весьма любопытныхъ страницъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ онъ пріучалъ себя къ молитвѣ и какъ онъ боролся съ своими молитвенными немощами. Многіе на молитву смотрятъ весьма поверхностно и думаютъ, что она дается легко. Это—глубокій предрасудокъ. Кто жилъ хотя только немного духовной жизнью, кто хотя только отчасти знакомился съ нею по твореніямъ древнихъ подвижниковъ, тотъ прекрасно знаетъ, какой это трудъ,... и трудъ великій. Молитва не дается сразу. Она—результатъ постоянной напряженной борьбы съ собой.

Холодное желѣзо, если ударятъ его молотомъ, накаливается до-красна. И „хладная“ къ молитвѣ душа, если ее напрягать, утруждать, послѣ настойчиваго молитвеннаго труда, дѣлается пламенѣющей. Поэтому ошибаются тѣ, которые думаютъ, что молиться нужно только тогда, когда есть молитвенное настроеніе. Если мы будемъ гоняться за настроеніемъ, то часто, часто молитвенный часъ, призывъ къ церковной молитвѣ застанетъ насъ безъ настроенія, и мы останемся безъ молитвы. Да и не принять бы намъ за молитвенное настроеніе то, что въ дѣйствительности ничего общаго не имѣетъ съ молитвой?.. У одного выдающагося русскаго уже покойнаго святителя есть очень дорогія и цѣнныя строки о молитвѣ. Молитвенное настроеніе,—говоритъ онъ,—

подобно морскому приливу и отливу. То оно наполняетъ всю душу человѣка, увлекая ее въ горніи міръ, то отливаетъ изъ души, наполняя душу тоской, уныніемъ, упадкомъ нравственной дѣятельности. Но человѣкъ долженъ молиться и въ эти страшные моменты внутренняго боренія. Уже одно сознаніе своей немощи и безпомощности имъ въ эти минуты многое привнесутъ въ его душу...

И Д. Ф., этотъ рѣдкій молитвенникъ, много боролся съ собою, приучая себя къ молитвѣ. Заглядывая въ его душу возможно глубже, мы въ данномъ случаѣ видимъ цѣлую картину его громадной борьбы съ собою. Какъ стражъ, стоящій на опасномъ сторожевомъ посту, зорко слѣдитъ всюду за всѣмъ, что совершается кругомъ него; такъ каждый день, изъ года въ годъ, изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе, слѣдилъ за собой Д. Ф. Когда мысленно только представляешь себѣ все это, то невольно поражаешься грандіозностью картины внутренняго его боренія...

Приведемъ хотя нѣсколько строкъ о молитвѣ, заимствуя ихъ изъ различныхъ мѣстъ его дневника. Вотъ что мы здѣсь читаемъ.

„Молился торопливо. На молитвѣ было смутно въ душѣ. Молитву не докончилъ: прервали, а потомъ кончалъ молитву торопливо. Довольно искренно молился. Молился немного. Молился сокрушенно. Молитвы почти опущены. Во время молитвы замѣчалось стремленіе къ покаянію. На молитвѣ склонялся къ жалобамъ. При чтеніи акаѣиста было возбужденіе страха и благоговѣнія. Сегодня читалъ акаѣистъ поздно. Молился исправнѣе прежняго. Акаѣистъ. Исправно молился. Сокрушенная молитва. Молился неисправно. О молитвѣ не старался. На молитвѣ покаяніе было недостаточное. Сегодня молитвѣ не докончилъ. На молитвѣ замѣчалась холодность. Сегодня, кажется, молился нѣсколько исправнѣе, чѣмъ вчера. Повечеріе было читано. При чтеніи акаѣиста для теньки сначала смущеніе, воспоминаніе о грѣхахъ, послѣ сильное чувство покаянія. Молился немного. При молитвѣ движеніе покаянія, но недостаточное. Молился медленно и крайне сокрушенно. При чтеніи акаѣиста развлекался заботами. Читалъ покаянный канонъ. Смущеніе при чтеніи канона. Великое повечеріе читалъ дома. Правило окончилъ къ полночи. Читалъ вечерню сегодня дома. Недостаточно добро



расположеніе при чтеніи акаѣиста. Вечерню и всенощную читаль дома. Читаль канонъ Пасхи. Молитва сегодня была довольно продолжительная и отчетливое стремленіе къ покаянію. Читаль акаѣистъ всѣмъ святымъ. Молился поискреннѣе прежняго. Читаль акаѣистъ св. Онуфрію. Послѣ обѣда читаль праздничные каноны. Послѣ обѣда сегодня было чтеніе службы свят. Тихону. Вечеромъ читаль акаѣистъ св. ангеламъ. Читаль дома шестопсалміе“...

Такъ тянутся изъ года въ годъ длинной, почти нескончаемой вереницей замѣтки Д. Θ. о домашней молитвѣ. Эти лаконическія замѣтки много проливаютъ свѣта на тайну жизни, что совершалась въ этой душѣ. О какой силѣ и чистотѣ духа свидѣтельствуютъ онѣ. То, что для многихъ не существуетъ, совершенно ускользаетъ съ поля ихъ зрѣнія, то здѣсь замѣчается со всѣми мельчайшими подробностями и отгѣнками. Я назвалъ бы эти записи протоколомъ самаго строгаго слѣдователя, который безбоязненно записываетъ все, что бы онъ не замѣтилъ. И понятно почему. Нужно бояться не грѣха, а непризнанія грѣха, невѣдѣнія и невидѣнія грѣха и опасности. Если врагъ нашъ понятенъ намъ и замѣченъ нами, то мы поборемся съ нимъ и выйдемъ изъ борьбы побѣдителями... А какъ часто большинство его даже не видитъ, не замѣчаетъ или, замѣчая, не считаетъ даже своимъ врагомъ.

Д. Θ. молился не дома только. Онъ молился, можно сказать, вездѣ. Молился онъ въ физическомъ кабинетѣ среди своихъ любимыхъ приборовъ. Объ этомъ онъ пишетъ и въ своемъ дневникѣ. „Въ физическомъ кабинетѣ исправно молился“. „Молился въ физическомъ кабинетѣ“... Я и самъ однажды засталъ его тамъ за молитвой. Любопытно, страшные приборы, которые мысли и чувства многихъ отвлекали совершенно отъ Бога и неба, душу Д. Θ. всецѣло обращали къ небу и Богу. Такъ важно умѣть читать и понимать грамотно окружающія насъ явленія. Какъ много въ данномъ случаѣ зависитъ отъ чтеца и его внутренняго настроенія...

Молился онъ, идя въ Академію. Многіе видали, какъ въ лѣтніе хорошіе дни безъ шапки проходилъ онъ всю Лавру, сгорбленный. Уста его въ это время что-то шептали, взоръ былъ сосредоточенъ на чемъ-то внутреннемъ. Онъ стоялъ неподвижно на какой-то незримой внутренней точкѣ. Есть

и въ дневникѣ объ этомъ замѣтки. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ пишетъ: „доканчивалъ молитву у Собора Троицкаго“...

Молился Д. Θ. въ академическомъ, благоухающемъ, цвѣтущемъ садикѣ. Я и самъ, гуляя по саду, не одинъ разъ совершенно неожиданно наталкивался на него и заставлялъ его за молитвой. Живо помнятся мнѣ эти минуты. Вотъ онъ стоитъ за кустомъ густо разросшагося жасмина, скрытый въ его вѣтвяхъ почти совершенно. Солнце заливаешь всю землю своимъ свѣтомъ. Чистый прозрачный воздухъ дрожить. Кругомъ тишина. Природа какъ бы священнодѣйствуетъ. А вотъ среди этого священнодѣйствія природы и служитель природы, какъ бы ея пастырь и священникъ, обнаживъ свою сѣдую голову, съ книжкой въ рукахъ стоитъ и читаетъ хвалы и благодаренія Тому, Кто такъ мудро все устроилъ и Кто такъ близокъ къ намъ, чье дыханіе слышится въ каждомъ кустику, листикѣ, травкѣ, благоухающемъ цвѣткѣ... Взоръ молящагося устремленъ къ небу, а уста шепчутъ молитвы. Какъ бы въ тактъ сильному внутреннему настроенію, мѣрно и плавно склоняется голова сѣдовласаго старца...

Если Д. Θ. замѣчалъ, что его видятъ, то онъ быстро складывалъ свою книжку и принималъ свой обычно озабоченный дѣловой видъ, не давая понять, что онъ дѣлалъ. Я всегда въ подобныхъ случаяхъ старался незамѣтно скрыться куда-нибудь, чтобы не нарушить священнодѣйствія старца...

Молился онъ и идя дорогой. Особенно молился онъ, отправляясь въ тотъ или другой монастырь. Въ одномъ мѣстѣ дневника мы читаемъ: „молился исправно, идя дорогой къ скиту“. Не смотря на то, что ему предстоялъ длинный путь, не смотря на необыкновенную медленность всѣхъ его движеній, онъ все-таки не успѣвалъ прочитывать всѣ свои молитвы до скита и принужденъ былъ доканчивать ихъ уже въ скиту. Въ дневникѣ своемъ объ этомъ онъ пишетъ: „торопливо доканчивалъ молитву въ пещерной церкви“.

Мнѣ думается, что дневникъ со временемъ укажетъ и другія мѣста, которыя были освящены его молитвой. Едва ли я много погрѣшу, если скажу, что онъ молился вездѣ и всюду, гдѣ находилъ удобнымъ и гдѣ заставляло его молитвенное настроеніе.

Особеннымъ же, любимымъ мѣстомъ молитвы былъ для

него храмъ. Да это и понятно. Въ храмѣ—мѣсто особеннаго присутствія Божія. Здѣсь постоянно слышится проповѣдь и ученіе Христа Спасителя. Вся обстановка храма, полная глубокаго смысла, заключающая въ себѣ преданія и завѣты св. людей всѣхъ минувшихъ вѣковъ, способна высоко настраивать душу человѣка. Мнѣ думается, нигдѣ на землѣ, ни въ какомъ земномъ учрежденіи, не собрано столь великихъ образцовъ вѣры, мученичества, святости, поразительнаго самоотверженія, какъ въ христіанскомъ храмѣ. Нигдѣ мы не встрѣтимъ столькихъ св. героевъ, гигантовъ духа, какъ здѣсь. А сила общественной молитвы? Она и немощнаго въ молитвѣ дѣлаетъ сильнымъ, и холоднаго пламеннѣющимъ, и колеблющагося твердымъ. Какъ волна на своемъ гребнѣ поднимаетъ разбитый челнъ и несетъ его въ даль; такъ и общая молитва и общее молитвенное настроеніе, захватывая человѣка, вовлекаетъ въ свой водоворотъ слабую душу, поднимаетъ ее и несетъ на своихъ неземныхъ крыльяхъ въ высь небесъ...

Д. Θ. былъ необыкновенно усерднымъ посѣтителемъ церкви. Трудно пока точно сказать, какъ часто онъ бывалъ въ храмѣ. Но едва-ли мы много преувеличимъ, если скажемъ, что онъ почти ежедневно посѣщалъ храмъ. Во всякомъ случаѣ, изъ дневника его видно, что нѣсколько недѣль подъ рядъ онъ неопустительно посѣщалъ церковь. Во всякомъ случаѣ, мы нигдѣ въ его дневникѣ пока не встрѣтили, чтобы онъ былъ менѣе четырехъ дней въ теченіе недѣли въ церкви. Пропускалъ онъ богослуженія большею частію въ четвергъ и вторникъ. Какъ строгъ былъ къ себѣ Д. Θ. во время домашней молитвы, такъ строгъ онъ былъ и во время молитвы въ храмѣ. И здѣсь онъ слѣдилъ за каждымъ своимъ шагомъ, отмѣчая всѣ самыя малыя отклоненія отъ молитвеннаго настроенія. Онъ ходилъ въ храмъ за молитвой, а не съ молитвой. И часто, часто онъ получалъ тамъ то, что искалъ. Какъ вѣрно понималъ онъ молитву и въ данномъ случаѣ, и какъ превосходилъ тѣхъ, которые оправдываютъ свое отсутствіе въ храмѣ отсутствіемъ у нихъ религіознаго настроенія. Вотъ нѣсколько любопытныхъ строкъ изъ той части дневника покойнаго, гдѣ онъ говоритъ о своемъ хожденіи въ храмъ и о своихъ настроеніяхъ въ храмѣ.

„Къ литургіи пришелъ послѣ Евангелія. Во время литургіи

и водоосвященія развивались грустныя мысли о дѣлахъ, но вообще сознание пробуждается замѣтно. Къ литургіи пришелъ нѣсколько поздно и притомъ разсѣяннымъ. Опоздалъ къ утрени. Былъ въ соборѣ при окончаніи литургіи. Молился. Пришелъ въ храмъ при окончаніи литургіи, за поздней литургіей былъ въ нашей академической церкви. Во время литургіи замѣчалось у меня легкомысліе. Къ заутренѣ не всталъ. При литургіи стремился къ покаянію. Слышалъ звонъ и не всталъ. За всенощнымъ у меня сознание было неглубокое. Во время литургіи въ академической церкви былъ склоненъ нѣсколько къ унынію. Къ службѣ пришелъ нѣсколько поздно. Опять въ Академію не попалъ къ началу службы. За службой въ Академіи были грустныя мысли и воспоминанія. Во время повечерія очень стремился къ покаянію. За всенощной сиделъ. Во время проскомидіи замѣтно было движеніе жалобъ. За всенощной стоялъ разсѣянно. За литургіей было возбужденіе страха. Въ церкви сначала стоялъ неблагоговѣнно и разговаривалъ. Поздно шелъ въ Троицкую церковь, былъ легкомысленъ, склоненъ къ ропоту и унынію и нечестивымъ мыслямъ. Къ часамъ пришелъ поздно. Былъ въ церкви. Сначала смутно было въ душѣ, потомъ стало нѣсколько лучше, наконецъ молился усердно. Молился сегодня въ Академической церкви благоговѣнно... За всенощнымъ было вниманіе отчетливое, но сознание не глубокое и не ясное“...

Въ церкви ничто не ускользало отъ его вниманія. Пропущенная стихира, забытый угодникъ на отпустѣ, противорѣчіе какое-либо въ томъ или другомъ пѣснопѣніи, какая-либо неясность въ богослуженіи,—все это замѣчалъ онъ. Иногда онъ не только говорилъ объ этомъ, но и даже писалъ письма. У меня до сихъ поръ хранится одно его письмо, въ которомъ онъ просилъ меня пропускать 44 ой стихъ въ Евангеліи, читаемомъ на великой вечернѣ въ великую пятницу. Безъ пропуска этого стиха, писалъ онъ, получается слишкомъ замѣтное противорѣчіе...

Нужно ли говорить о томъ, что многое изъ перечисленнаго Д. Θ. многими не только не считаются грѣхомъ, но даже и не сознается... Если даже упрекаетъ себя за недостаточность своего молитвеннаго настроенія, за опозданіе въ церковь, то что сказать о большинствѣ людей...

О силѣ и глубинѣ молитвы Д. Θ. рассказываютъ слѣдую-

шее. Одинъ иннокъ Лавры видѣлъ о немъ такой сонъ. „Видитъ онъ себя въ Успенскомъ соборѣ Лавры, идетъ литургія; всѣ стоятъ съ вѣтвями, какъ въ вербное воскресенье. У большей части богомольцевъ вѣтки почти сухія: кое-гдѣ листикъ, изрѣдка — цвѣточекъ. Но вотъ въ южную дверь собора входитъ Д. Θ., и въ его рукахъ ваія, вся благоухающая бѣлыми, чудными цвѣтами. И по всему собору пошло отъ этой ваи благоуханіе, а старецъ Божій радостно прошелъ въ алтарь...“<sup>1)</sup>

Говѣлъ Д. Θ. не менѣе четырехъ разъ въ годъ.

Къ исповѣди и причастію готовился особенно внимательно. Въ одномъ мѣстѣ дневника мы читаемъ: „окончилъ приготовленіе къ исповѣди“ Д. Θ. возвращался въ этотъ день изъ храма обыкновенно воодушевленнымъ и восторженнымъ. Въ дневникѣ въ эти дни мы встрѣчаемъ слѣдующія строки: „слава Богу! Господь сподобилъ меня сегодня причастія Св. Таинъ“.

Въ церкви онъ часто служилъ панихиды, молебны. Особенно дорога и цѣнна его поразительная заботливость о поминовеніи „Братчиковъ“<sup>2)</sup> Онъ поминалъ ихъ въ нѣсколькихъ церквахъ. Постоянно слѣдилъ за точнымъ выполненіемъ поминовенія. Если кто-либо умиралъ изъ братчиковъ, Д. Θ. немедленно сообщалъ объ этомъ священнику и самъ вносилъ имя почившаго въ диптихи. Въ дневникѣ его по этому поводу мы читаемъ: „послано письмо о поминовеніи Макарія, Архіепископа Донскаго, только что умершаго“. Или еще: „Возбудить вопросъ въ Братствѣ о необходимости поминать такихъ-то (слѣдуютъ далѣе имена)“. За поминовеніе братчиковъ онъ платилъ свои деньги. Въ его дневникѣ мы читаемъ: „причту дано для поминовенія членовъ Братства 3 р.“ Потомъ тянутся длинной вереницей рубли, какіе онъ давалъ тому же причту. Это все расходы по поминовенію за одинъ годъ. Поминовеніе „Братчиковъ“ совершается въ Академическомъ храмѣ всегда неопустительно круглый годъ, такъ какъ службы въ Академическомъ храмѣ совершаются почти ежедневно. Но Д. Θ. не удовлетворялся этимъ. Онъ поминалъ всѣхъ „Братчиковъ“ еще отъ себя на свой счетъ.

<sup>1)</sup> Церк. Вѣдом. 1903 г. № 49 стр. Ст. Памяти Д. Θ. Голубинскаго.

<sup>2)</sup> Членовъ Академическаго Братства во имя преп. Сергія, учрежденнаго для вспоможенія недостаточнымъ студентамъ.

Не говоримъ уже о томъ, что онъ поминалъ ихъ всегда на своихъ домашнихъ молитвахъ. Послѣ Д. Θ. осталось много такихъ помянниковъ. Всѣ онѣ необыкновенно ветхи и желты: видно, очень часто они бывали въ рукахъ Д. Θ.

Не мало денегъ расходывалъ Д. Θ. на поминовение родныхъ и знакомыхъ. Такъ въ его дневникѣ мы читаемъ: „въ Филаретовскую церковь послано 14 руб. для поминовения родныхъ“. „Въ Виоанскій монастырь на поминовение дано 3 руб.“ „Для поминовения родныхъ и знакомыхъ въ ..... церковь 2 руб. и причту 10 руб.“ „По дѣлу поминовения Горчаковыхъ и родныхъ послано 12 руб. .... и 8 руб.“ „Въ ..... церковь за поминовение 6 руб. 50 коп., причту 5 руб.“ „Въ церковь .... за поминовение 1 руб. 50 коп.“ Всѣ эти расходы на поминовение Д. Θ. были сдѣланы въ теченіе одного года. Такъ какъ мы не просматривали дневникъ Д. Θ. систематически хотя бы за одинъ годъ, то нужно думать, что и эта довольно солидная цифра его расходовъ на поминовение еще не соотвѣтствуетъ вполнѣ дѣйствительности.

Посѣщая такъ часто храмъ, Д. Θ. не ограничивался только молитвой... Не было ни одной службы, за которой бы онъ не оставилъ порядочной суммы въ храмѣ. Его расходы въ данномъ случаѣ распределяются по слѣдующимъ рубрикамъ: „въ церковь, въ кружку, на свѣчи, причту“. Всюду онъ жертвовалъ далеко не копѣйками или самыми мелкими серебряными монетами для виду... Такъ подъ рубрикой „въ церковь“ мы встрѣчаемъ слѣдующія цифры: „1 руб. 50 коп., 3 руб. 40 коп., 3 руб., 3 руб. 60 коп., 56 коп., 2 руб. 45 коп.“ Подъ рубрикой „на свѣчи“ читаемъ: „свѣчей на паннихиду на 79 коп.“ Въ общемъ расходы на церковь всегда выражаются рублями каждый разъ... Но особенно много денегъ расходывалъ Д. Θ. въ дни говѣнія. На однихъ извозчиковъ въ теченіе недѣли у него выходило 7 руб. 50 коп. Присоедините къ этому еще ежедневные различные расходы въ церкви. Расходы въ самый день приобщенія Св. Таинъ обычно были больше 8 рублей.

Изъ храма Д. Θ. уходилъ почти всегда послѣднимъ. Когда многіе изъ присутствовавшихъ были уже на половинѣ пути къ дому, онъ все еще находился въ храмѣ, уста его все еще творили молитву. Къ кресту послѣ богослуженія, не смотря на свою старость и дряхлость, онъ обыкновенно подходилъ

на свою старость и дряхлость, онъ обыкновенно подходилъ послѣднимъ. Возвратившись изъ храма домой, Д. Θ. долгое время находился подъ впечатлѣніемъ богослуженія. О многомъ разсуждалъ, многое передумывалъ. Въ одномъ мѣстѣ его дневника мы читаемъ: „были воспоминаія изъ читанной пареміи. См. Исаія гл. 13, ст. 2—13“. Или еще. „Размышлялъ о благодѣяніяхъ Божіихъ, какъ о сильныхъ средствахъ, побуждающихъ къ покаянію челоуѣка, находящагося въ великомъ нравственномъ разстройствѣ“.

У Д. Θ. былъ обычай ежедневно прочитывать главу или нѣсколько главъ изъ Новаго и Ветхаго Заветъа. Выбравши себѣ извѣстныя книги для чтенія изъ Библии, Д. Θ. не отступалъ отъ своего плана. Его дневники до сихъ поръ даютъ возможность судить о порядкѣ этихъ чтеній. Такъ въ его дневникѣ мы читаемъ: „днемъ читалъ 1-ю главу Евангелія Луки и книг. Премудр. гл. 10—14“. Далѣе каждый день отмѣчаются прочитанныя главы. Постоянное чтеніе Св. Писанія Д. Θ. дало возможность прекрасно знать Св. Писаніе не только по духу, но и по буквѣ. Своими познаніями, большими выдержками изъ Писанія на память, онъ обыкновенно поражалъ всѣхъ. На экзаменахъ Св. Писанія экзаменующіеся особенно побаивались Д. Θ. Я помню, какъ не разъ обращались къ Д. Θ. за справками указать то или другое мѣсто изъ Св. Писанія, и всегда получали скорый и точный отвѣтъ. Онъ въ данномъ случаѣ съ удобствомъ замѣнялъ собою самую обширную и ученую симфонію.

Послѣ Св. Писанія онъ читалъ, кажется, также почти ежедневно книги духовнаго содержанія. Пересматривая прочитанное имъ въ этой обширной области, трудно сказать, чего онъ не прочиталъ на своемъ вѣку. Онъ читалъ: творенія Василия Великаго, Іоанна Златоустаго, Ефрема Сирина, блаж. Теодорита, Григорія Богослова, житія святыхъ, дѣянія вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, проповѣди — Иннокентія, Филарета, Макарія, Евсевія и т. д., и т. д.

Нельзя при этомъ не отмѣтить слѣдующей весьма любопытной и цѣнной черты Д. Θ. Будучи столь церковнымъ и религіознымъ челоуѣкомъ, онъ нисколько не стѣснялся читать и свѣтскую литературу. Много изъ прочитаннаго онъ зналъ также на память. Особенно много зналъ стихотвореній

изъ произведеній Пушкина, Лермонтова, Державина. Гоголя онъ пересчитывалъ за полторы недѣли до своей смерти. Я самъ его видѣлъ за этимъ чтеніемъ. Онъ жаловался мнѣ, что нѣкоторыя повѣсти Гоголя не понимаетъ, такъ какъ слишкомъ загадочны ихъ сюжеты. Объ одной повѣсти говорилъ, что она Гоголю не принадлежитъ. А Шекспира онъ попросилъ изъ бібліотеки всего за полтора дня до своей смерти. Нельзя безъ чувства глубокой отрады отмѣтить этотъ фактъ отношенія Д. Θ. къ свѣтской литературѣ, особенно въ виду гоненій на эту литературу, которыя проповѣдуются въ послѣднее время многими обскурантами, выдающими себя за ревнителей православія...

Всю свою домашнюю жизнь Д. Θ. старался расположить по церковному уставу; отступленія отъ предписаній устава считалъ великимъ грѣхомъ. Когда по немощи или по другимъ какимъ-либо причинамъ онъ не соблюдалъ уставъ, то обыкновенно отмѣчалъ въ своемъ дневникѣ: „сегодня я погрѣшилъ противъ устава“ или „сегодня я нарушилъ уставъ“. Д. Θ. праздновалъ свои именины 21 сентября. Однажды этотъ день приходился на пятницу. Я сказалъ Д. Θ.:

— Какъ вы теперь будете угощать корпорацію рыбой: въ пятницу вѣдь рыбы не полагается.

На это Д. Θ. мнѣ отвѣчалъ:

— Я спрашивалъ дьячка объ этомъ. Онъ сказалъ мнѣ, что можно рыбу ѣсть и въ пятницу. У насъ въ приходѣ праздникъ въ этотъ день, а по главѣ такой-то въ праздники полагается братія утѣшеніе на трапезѣ.

Итакъ, конфликтъ былъ разрѣшенъ мирнымъ путемъ.

Д. Θ. такъ старательно избѣгалъ нарушенія устава, что съ большимъ трудомъ упросили его ѣсть рыбное и мясное во время болѣзни. Впрочемъ, это рыбное было такъ скудно и подозрительно, что иной и здоровый не сталъ бы его ѣсть...

Не могу не вспомнить изъ отношеній Д. Θ. къ уставу и слѣдующаго. Не смотря на свое благочестіе и полное послушаніе церкви, онъ все-таки не разъ высказывалъ мысль, что уставъ пора бы исправить, потому что онъ сталъ теперь непосильнымъ не только для мірянъ, но даже и для монаховъ! Не разъ онъ даже обращался къ Преосвященному Ректору Академіи съ такою просьбой:



— Когда будете въ Синодѣ присутствовать, непременно возбудите вопросъ объ исправленіи устава.

Дѣйствительно, вполне добросовѣстный человекъ не можетъ иначе относиться къ этому серьезному дѣлу. Открыто нарушать уставъ онъ не можетъ, и жить по уставу цѣлкомъ онъ также не въ состояніи. Отсюда совершенно понятна просьба Д. Ф. пересмотрѣть уставъ. Не говорю уже о томъ, что онъ находилъ различныя неустраимыя противорѣчія въ уставѣ, которыми обыкновенно всѣхъ ставилъ втупикъ.

Д. Ф. въ своей жизни не ограничивался только хожденіемъ въ церковь, да молитвенными подвигами и созерцаніями. Свою вѣру въ живого Бога, Которому имя Любовь, онъ постоянно старался доказать и дѣломъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ поразительно высокъ, такъ что едва ли многіе съ нимъ могутъ сравниться не только изъ мірянъ, но и изъ монаховъ. Онъ былъ безсребренникомъ въ буквальномъ и полномъ смыслѣ этого слова. Все, что онъ имѣлъ, всегда раздавалъ бѣднымъ и убогимъ.

Дневникъ Д. Ф. въ данномъ случаѣ весь испещренъ записями безчисленныхъ его пожертвованій. Не было въ его жизни ни одного дня, когда бы онъ не оказалъ нѣсколькимъ людямъ матеріальной помощи. Вотъ почему, гдѣ бы онъ не появлялся, около него всегда быстро собиралась толпа различныхъ просителей. Просители обыкновенно поджидали его у различныхъ воротъ, калитокъ, гдѣ онъ долженъ былъ въ извѣстный часъ непременно пройти, осаждали его со всѣхъ сторонъ. Д. Ф. всѣмъ давалъ, часто не считая, сколько онъ даетъ. Однажды бѣдняку, который былъ босъ, отдалъ съ себя галоши и принужденъ былъ идти домой въ однихъ сапогахъ. Его домъ нищія и бѣдняки такъ осаждали, что не разъ приходилось полиціи спасать Д. Ф. отъ усердныхъ просителей. Мало того, за послѣднее время онъ долженъ былъ завести у себя особый свистокъ для вызова полицейскаго, когда назойливые просители не оставляли его убогую квартиру. Здѣсь и разгадка того, почему у квартиры Д. Ф. не было звонка. Когда былъ звонокъ, то онъ звонилъ почти безъ перерыва съ ранняго утра до поздней ночи. Не было никакой возможности справиться съ множествомъ нуждающихся особенно же „босяковъ“, которые въ Посадѣ, бла-

годаря его близости къ Москвѣ, появляются въ большомъ количествѣ.

Для характеристики Д. Θ. въ этомъ отношеніи приведу нѣсколько строкъ изъ его дневника. Всѣ его кліенты раздѣлялись на нѣсколько разрядовъ. Одни изъ нихъ получали отъ него постоянное пособіе изъ года въ годъ, другіе временное, третьи были случайные просители. Были такіе, которымъ приходилось посылать пособіе далеко за предѣлы Посада и пособіе въ очень значительныхъ размѣрахъ. Долгое время изъ года въ годъ онъ выдавалъ пособіе, наприм. одному иноку, жившему въ монастырѣ...

Большою частію Д. Θ. записывалъ общимъ счетомъ, сколько дано нищимъ и бѣднымъ въ тотъ или другой день. Вотъ нѣсколько подобныхъ ежедневныхъ записей: 1 р. 29 к., 1 р. 1 к., 1 р. 44 к., 1 р. 10 к., 1 р. 42 к., 1 р. 50 к., 1 р. 12 к., 90 к., 1 р. 50 к., 73 к., 1 р. 56 к. и т. д. А вотъ небольшая справка о томъ, кому въ отдѣльности онъ давалъ ежедневно: „у калитки двоимъ, вдовѣ, лишенному зрѣнія, другимъ бѣднымъ, старушкѣ, неизвѣстному, въ долгъ, бывшему сторожу, сосѣдямъ, погорѣвшимъ, на храмъ, бывшему служителю графа, для погребенія бѣдной, бѣдному, бывшему пономарю, больной, бывшему часовщику, собиравшей на станціи, лишившемуся зрѣнія, бѣдному священнику, встрѣтившемуся неизвѣстному, неизвѣстному бѣдному, бѣдному офицеру, ученику, послушнику, неизвѣстному работнику, послушникамъ, бывшему преподавателю математики, изъ . . . пустыни послушнику, бывшему преподавателю, двумъ трудившимся при могилѣ, подарены (22 р. 23 р.) вдовѣ портного, артисту, дочери бочара, неизвѣстному бѣдному по фамиліи Иванову, для бѣдной невѣсты“ и т. д. Словомъ, никому Д. Θ. не отказывалъ. Каждому изъ поименованныхъ просителей онъ давалъ не менѣе 15 коп., а нѣкоторымъ и рублями.

Очевидно, въ числѣ кліентовъ Д. Θ. было немало и „бывшихъ“ людей. Видно было, что многіе изъ нихъ сочиняли себѣ особыя положенія, выдумывали различные чины, занятія, фамиліи. Но рука Д. Θ. не разбирала никого, а давала всякому, кто бы ни просилъ у него. Мнѣ не разъ думалось, когда возражали противъ этого рода благотворительности, что люди, подобные Д. Θ., спасаютъ общество отъ краха. Если „бывшіе“ люди не превращаются окончательно въ звѣрей,

если они не устремляются на людей, какъ дикари, то только потому, что въ ихъ душахъ поддерживается вѣра въ людей и добро этими добрыми людьми, призрѣвающими и ласкающими ихъ.

Постоянно жертвовалъ Д. Θ. и различнымъ учрежденіямъ. Едва ли когда въ своей жизни прошелъ онъ мимо какой-либо кружки, не опустивши въ нее нѣсколько не только лептъ, а иногда даже и рублей. Онъ клалъ „отай“ рубли туда, куда люди, привыкшіе, чтобы ихъ видѣли, бросаютъ обыкновенно лишь ненужные грошники да копейки... Такъ, наприм., въ кружки казначейства онъ опускалъ слѣдующія суммы сразу: 1 р. 50 к., 1 р. 40 к., 1 р. 15 к., 1 р. 10 к., 2 р. 20 к., 3 р. 40 к.“... Въ кружки сберегательной кассы: „60 к., 2 р. 48 к.“ Жертвовалъ во всевозможныя благотворительныя общества: Миссіонерское, Посадскій пріютъ, пріютъ Маріи Магдалины и т. д. Покупалъ билеты на различные благотворительныя концерты, спектакли и т. п.

Какъ бы не удовлетворяясь тѣмъ, что приходилось отдавать свои послѣднія лепты въ различныя благотворительныя учрежденія, Д. Θ. старался еще помогать имъ различными вещами. Для одного учрежденія въ Москвѣ, на дверяхъ котораго написано: „пожертвуйте ненужныя вамъ вещи“, онъ собиралъ различные предметы и, накопивши ихъ въ достаточномъ количествѣ, отвозилъ въ Москву. Этимъ, мнѣ думается, объясняется то громадное скопленіе всякихъ предметов и вещей, иногда очень ничтожныхъ по своей цѣнности, которое мы нашли по смерти Д. Θ. Онъ все собиралъ, начиная отъ небольшой жестянки и кончая старыми самоварами. Всѣ эти вещи тщательно перевязаны, упакованы и разсортированы. Глядя со стороны на это, можно даже смѣяться. Но въ дѣйствительности тутъ весьма много хорошаго. За границей изъ этихъ ненужныхъ вещей, говорятъ, находятъ возможнымъ составлять большія суммы. Эти суммы представляютъ собою, конечно, деньги, поднятыя, такъ сказать, съ улицы. Сколько же бы подобныхъ денегъ можно было поднять, если бы всѣ подражали въ данномъ случаѣ Д. Θ.

Д. Θ. помогать не только бѣднымъ въ полномъ смыслѣ этого слова, но и людямъ, имѣющимъ возможность кое-какъ существовать на свѣтѣ. У него былъ обычай не отпускать безъ денежной награды ни одного человѣка, оказавшаго ему

ту или другую самую мелкую и ничтожную услугу. Перечислимъ нѣкоторыхъ изъ нихъ: „академическимъ служащимъ, принесшему дрова, ночному сторожу, служащимъ при желѣзной дорогѣ, привратникамъ, столярамъ, швейцару, насосникамъ, кучеру, баньщику, принесшему замокъ, принесшей письмо отъ просительницы, служащимъ въ музеѣ, за размѣнъ денегъ, супругъ 2-го сторожа, работавшимъ въ нашемъ храмѣ, трудящемуся въ нашемъ храмѣ, шарманщику, колодезникамъ“ и т. д. Въ дни великихъ праздниковъ и именинъ къ нему приходили съ поздравленіями едва ли не со всего Посада, и никто не уходилъ безъ вознагражденія.

Зная, какъ бѣдный людъ нуждается въ средствахъ, за всякую работу Д. О. платилъ необыкновенно щедро. Такъ, наприм., за „стриженіе“ онъ платилъ 40 коп., хотя у него, строго говоря, нечего было и стричь. Извозчикамъ онъ платилъ отъ 70 до 90 коп. Вотъ почему они всегда окружали его, какъ только онъ показывался изъ воротъ Лавры, предлагая ему свои услуги. Не даромъ послѣ его смерти многіе изъ нихъ говорили, что Д. О. былъ ихъ кормильцемъ и поильцемъ. Служащимъ при желѣзной дорогѣ давалъ болѣе 70 коп. Платилъ за каждое письмо, принесенное ему съ почты. Платилъ за каждое письмо и пакетъ, откуда бы ихъ онъ не получилъ.

Обширная ежедневная благотворительность требовала особой системы и выработки нѣкотораго плана. Д. О. особенно нужны были мелкія деньги. Возникалъ вопросъ о храненіи ихъ и о сортированіи. Для помѣщенія ихъ существовали у Д. О. слѣдующія вещи: „ящикъ для мѣдныхъ денегъ, большой кошелекъ, напоминающій собой почти сакъ-вояжъ, пять меньшихъ кошелековъ различной величины, сѣрый мѣшокъ, другой мѣшокъ, коробокъ 20, шерстяной кошелекъ“. Для храненія серебра существовалъ особый ящикъ, раздѣленный на перегородки, по которымъ, раскладывалась монета одного достоинства: рубли съ рублями, полтинники съ полтинниками и т. д. Когда онъ выходилъ на улицу, то карманы его наполнялись деньгами. Деньги и по карманамъ раскладывались не безъ разбора, а по своему достоинству: въ одномъ лежали гривенники, въ другомъ двугривенные. Въ кошелькахъ нѣсколькихъ была мѣдь: въ одномъ пятикоп.

монеты, въ другомъ трехкоп. и. т. д. Встрѣчая бѣднаго, Д. Θ. отправлялся въ извѣстный карманъ и оттуда доставалъ опредѣленную сразу сумму, и давалъ ее, уже не считая. Это въ значительной степени облегчало для него нелегкій трудъ раздаванія милостыни просящимъ. Трудно точно сказать, сколько Д. Θ. истрачено на бѣдныхъ денегъ.

Одно только нужно сказать, что послѣ его смерти денегъ осталось около 34 рублей. Изъ нихъ было найдено 4 руб. 50 к. мѣдью, 16 р. 75 к. мелкимъ серебромъ, прочее золотомъ и на сберегательной книжкѣ. Очевидно и это небольшое богатство Д. Θ. предназначалось бѣднымъ же. Если оно осталось послѣ него, то только потому, что онъ не успѣлъ его раздать.

Итакъ, почти все его жалованіе (за послѣдніе годы онъ получалъ ежемѣсячно болѣе 200 рубл.) шло на бѣдныхъ. Къ этимъ 200 р. нужно еще прибавить деньги, которыя онъ получалъ за свои литературные труды.

Правда, по дневникамъ можно видѣть, что Д. Θ. не разъ собирался копить деньги. Заводились у него и сѣрні. Но не долго онѣ лежали. То и дѣло встрѣчаются замѣтки „размѣнена“ тогда-то и деньги отданы тому-то. Деньги отдавались подъ вексель. До сихъ поръ сохранилось нѣсколько векселей по 200 рубл. каждый, но бравшіе по нимъ давно уже умерли, не уплативши, конечно, своего долга. Пытался Д. Θ. при помощи Сберегательной кассы скопить что-либо для себя. Многіе видали его въ кассѣ. Нѣкоторые на этомъ основаніи высказывали даже предположеніе, что у него осталось много денегъ. Но на сберегательной книжкѣ оказалось всего лишь около 8 рублей. Изъ книжки видно было, что въ кассу нѣрѣдко онъ приносилъ 1 руб. 75 коп., а бралъ изъ нея по 8 рублей. Неудивительно, что при такихъ вкладахъ немного сбережешь... Былъ у него одинъ выигрышный билетъ. Каждогодно Д. Θ. покупалъ старательно выигрышныя таблицы и записывалъ объ этомъ въ своемъ дневникѣ. Очевидно, ему хотѣлось получить солидный выигрышъ. Но, увы, и этотъ выигрышный билетъ подъ конецъ былъ имъ проданъ, а деньги израсходованы... Интересно было бы знать, на что онъ хотѣлъ употребить эти будущія выигрышныя деньги. Конечно, на все и на всѣхъ, только не на себя.

Какъ нуждался Д. Θ. въ деньгахъ, не смотря на то, что

получалъ весьма приличное содержаніе, видно изъ слѣдующаго. При жизни онъ не разъ занималъ, наприм., у меня деньги по 5 и 10 руб. Не смотря на то, что суммы были очень незначительны, онъ страшно затруднялся выплачивать ихъ, и былъ всегда благодаренъ, если мнѣ удавалось уговорить его не платить хотя бы какую-либо часть ихъ. Иногда въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, не желая брать денегъ въ долгъ, онъ предлагалъ мнѣ купить у него изъ библиотеки ту или другую книгу. Я покупалъ... Однажды я забылъ по полученіи книги тотчасъ послать ему деньги. Вскорѣ мнѣ принесли отъ него письмо, изъ котораго я понялъ, почему книга была продана и какъ нужны были Д. О. эти три рубля—цѣна книги...

Но можетъ быть, нѣкоторые скажутъ, что онъ много тратилъ денегъ на себя?

Его личные расходы такъ скромны, что трудно это и представить. Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ. Въ дневникѣ мы читаемъ о расходахъ Д. О. на себя слѣдующее: „манная крупа 6 коп., гречневая 40 коп., коровье масло 2 ф. 74 коп., лимонъ 5 к., пропускная бумага 50 к. и рядомъ съ этимъ значится „извошику“ 75 коп., подсолнечное масло 3 ф. 36 к., 1 ф. горчицы 40 к., апельсины 16 к., и служащимъ при желѣзной дорогѣ 85 к., сахарный песокъ 2 ф. 26 к., уксусъ 5 к., сельди 24 к., а на марки 1 р. 98 к., ситники 30 к., ржаная мука 40 к., керосинъ 6 ф. 21 к., соль 5 к., а на бумагу пишущую 1 р. 5 к., подправочная мука 4 ф. 20 к., а за починку нѣкоторыхъ физическихъ инструментовъ 2 р. 55 к., рисъ 10 к., баранки 2 ф. 20 к., изюмъ 30 к., спички 7 к., 10 яблоковъ 20 к., мѣра картофелю 40 к., 2 кочня капусты 12 к., светки 12 к.“ и т. д. Вотъ расходы Д. О. на себя. Объ одеждѣ его мы уже говорили.... У меня до сихъ поръ хранится росписаніе кушаній Д. О., написанное имъ для меня собственноручно. Какъ все бѣдно и убого здѣсь...

При этомъ нужно помнить, что физическій кабинетъ онъ содержалъ исключительно на свои средства. На свои средства приобреталъ всевозможные инструменты, выписывалъ иностранные журналы, русскія и иностранныя книги по своему предмету. Въ различныхъ мѣстахъ его дневника можно не мало найти данныхъ для сужденія о расходахъ Д. О. на физическій кабинетъ. Какъ ни былъ онъ бережливъ, все-таки

физическій кабинетъ поглощаль у него не копейками, а рублями.

Итакъ, можно смѣло сказать, что онъ отдавалъ почти все свое состояніе, всѣ свои деньги другимъ, оставляя на содержаніе себя самую незначительную часть. Все другимъ и почти ничего себѣ—вотъ его жизненный девизъ.

Христіанское міросозерцаніе положило глубокой отпечатокъ и на всю личную жизнь. Гдѣ бы онъ ни былъ, всюду внимательно слѣдитъ за собою. Онъ старается уловить каждый диссонансъ, который прозвучитъ въ его душѣ, отмѣтитъ каждый свой личный недостатокъ, промахъ, каждое неосторожное слово. И въ данномъ случаѣ вся его жизнь представляетъ собою одну почти непрерывную борьбу съ собою. Какъ неподражаемо высокъ онъ и здѣсь. Вотъ какіе недочеты отмѣчаетъ онъ въ своемъ дневникѣ. „Неоснователенъ былъ въ разговорахъ. Неосторожность въ выраженіяхъ. Неблагоговѣйная мысль пришла. Смущена совѣсть. Осуждалъ высшихъ. Неразумная шутка. Мое самохвальство, а можетъ быть и гордость. Тщеславіе. Упрямство въ исканіи расходной книжки. Раздражительность и неосторожность съ просителемъ. Бѣдность въ разговорахъ. Моя неосмотрительность относительно о. Ректора. Опять тщеславіе. Опять неосторожное слово. Непискренность въ разговорѣ о дѣлахъ. Въ разговорѣ съ Н. А. было движеніе гордости. Грѣхъ нерадѣнія о письмѣ къ ... Нечувствіе грѣха. Легкомысліе. Увлечение пустыми разговорами. Излишнія заботы о себѣ, не по совѣсти, можетъ быть—слѣдствіе забытаго на исповѣди грѣха. Странное самооправданіе противъ совѣсти. Тщеславіе при добываніи азота. Не совѣмъ по совѣсти добывалъ кислоту въ физическомъ кабинетѣ. Говорилъ о моемъ преподаваніи и впалъ въ самохвальство. Неосторожный разговоръ о твореніи міра. Дорогой презрительно отнесся къ какой-то нищей“ и т. д. Дневники Д. Θ. испещрены перечнемъ подобныхъ грѣховъ. Какъ автоматическій какой аппаратъ, онъ все записывалъ за собой. Онъ съ такою строгостью записывалъ все, съ какой, кажется, не будутъ истязать людей даже на мытарствахъ. Едва ли многіе такъ строги къ себѣ, какъ былъ строгъ Д. Θ. Многіе, можетъ быть, улыбнутся, прочитавши эти строки. Имъ странной покажется такая придирчивость человѣка къ себѣ. Но для того, кто имѣетъ чистое око, все это казаться будетъ

не не только страннымъ, но и самымъ естественнымъ, необходимымъ явленіемъ. Христіанская аскетика именно этого и требуетъ отъ каждаго христіанина. Даже въ молитвенникѣ написано, что каждый христіанинъ, отходя ко сну, долженъ перебрать въ своей памяти все—доброе и злое, что онъ совершилъ въ теченіе дня. Такимъ образомъ, мнѣ думается, что приведенныя выше строки свидѣтельствуютъ не о духовныхъ недочетахъ Д. О., а о его великой внутренней силѣ, о его необыкновенномъ нравственномъ благообразіи.

Христіанское настроеніе заставляло Д. О. и къ лекціямъ своимъ относиться необыкновенно внимательно. Онъ впагалъ въ свою науку всю душу. Дневники Д. О. наполнены записями о томъ, какъ онъ готовился къ лекціямъ, сколько онъ переживалъ при этомъ страховъ, волненій, радости. Вотъ нѣсколько подобныхъ строкъ. „Приготовленіе усердное къ лекціямъ. Увлеченіе опытами. Въ классѣ неудача со струею водорода и кислорода, отъ чего я пришелъ въ смущеніе. Успѣхъ на лекціи о преломленіи, и на другой о газѣ. Въ банѣ разговаривалъ о благонаправленіи преподаванія. Нерадѣніе о лекціяхъ“. Д. О. почти никогда не пропускалъ лекцій. Мало того, онъ обыкновенно настойчиво просилъ о прибавкѣ ему лекціи сверхъ обычныхъ четырехъ. Если ему отказывали въ этомъ, то онъ обыкновенно волновался.

Со студентами Д. О. иногда занимался еще и математикой и, конечно, занимался бесплатно. Въ своемъ физическомъ кабинетѣ онъ проводилъ время почти цѣлыми днями, готовясь къ той или другой лекціи. Особенно много времени отнимали у него опыты, которые почти всегда проходили у него блестяще.

Въ отношеніи къ сослуживцамъ Д. О. былъ необыкновенно внимателенъ, добръ и участливъ. У него не было враговъ и недоброжелателей. Онъ не принадлежалъ ни къ какой партіи.

О десятилѣтнемъ служеніи Д. О. въ качествѣ предсѣдателя Братства въ дневникахъ можно встрѣтить также очень много матеріала. Но не буду говорить объ этомъ, потому что дѣятельность его, какъ предсѣдателя у всѣхъ еще жива до сихъ поръ. Кромѣ самоотверженныхъ трудовъ по удовлетворенію многочисленныхъ просьбъ студентовъ, онъ много иногда даже тайно отъ начальства помогалъ студентамъ,



когда Совѣтъ Братства почему-либо не находилъ возможнымъ удовлетворить просьбу того или другого студента. У него до сихъ поръ не мало хранится подобныхъ долговыхъ студенческихъ росписокъ. Иногда, не имѣя никакой возможности лично помочь нуждавшемуся, онъ обращался съ просьбой о помощи имъ къ различнымъ московскимъ благотворителямъ. Нерѣдко эти просьбы имѣли успѣхъ, и онъ такимъ образомъ получалъ возможность помочь бѣдному студенту. Мнѣ точно извѣстно, какъ однажды на Ваганьковскомъ кладбищѣ было выпрошена чугунная старая могильная рѣшетка. Она была продана за 18 рублей, а деньги посланы въ Одессу одному студенту, лѣчившемуся на лиманѣ и страшно бѣдствовавшему (М. Ө-му).

Честность Д. Ө. была положительно поразительна. Самъ онъ разсказалъ мнѣ какъ-то совершенно случайно слѣдующее.

Однажды онъ повезъ въ Москву самоваръ, чтобы отдать его туда, гдѣ принимаютъ всѣ старыя и ненужныя вещи, превращая ихъ въ деньги на благотворительныя дѣла. Отдалъ онъ благополучно свой самоваръ. Но возвращаясь оттуда домой, вспомнилъ, что на самоварѣ была желѣзная старая крышка. Крышка взята имъ когда-то съ отдушника печки въ своемъ домѣ. Домъ былъ церковный, слѣдовательно и крышка была церковная, а не его собственная. Итакъ, возникалъ вопросъ, какимъ образомъ онъ пожертвовалъ чужую вещь, выдавши ее за свою. Вопросъ еще болѣе осложнялся тѣмъ, что крышку вернуть было уже нельзя. Вотъ какъ Д. Ө. вышелъ изъ этого затрудненія. Изъ своихъ средствъ онъ опустилъ въ церковный ящикъ цѣлый рубль, хотя крышка не стоила и пяти копеекъ. Только тогда онъ успокоился. Мысль о совершенномъ имъ преступленіи болѣе не смущала его. Въ физическомъ кабинетѣ до сихъ поръ сохраняется одинъ свертокъ на которомъ рукою Д. Ө. написано: „забытое студентомъ 1858 года“.

Можно бы говорить о многомъ и другомъ весьма любопытномъ и замѣчательномъ, что совершалось въ этомъ убогомъ флигелькѣ, въ который мы заглянули. Но время и мѣсто не позволяетъ намъ заглянуть болѣе подробно въ тайны человѣка, жившаго здѣсь. Да это слѣлаютъ и другіе. Мы вѣримъ, что придетъ время, когда снова не разъ пересмотрятъ все, что совершалось въ этомъ домикѣ, и о

всемъ повѣдаютъ міру. Нравственный обликъ Д. О. еще болѣе тогда выростеть и еще болѣе заставить склониться предъ собою не только благочестивыя головы и сердца, но и сердца гордыхъ, много думающихъ о себѣ людей...

Итакъ, угасла жизнь, полная такой живой, дѣятельной любви къ Богу и людямъ. Догорѣлъ елей въ лампадѣ, порвана жизненная ткань, угасъ свѣтильникъ... Вспомнимъ хотя въ общихъ чертахъ о послѣднихъ дняхъ жизни Д. О.

---